

Эльвира Акиф гызы ГЕЙДАРОВА¹

УДК 81

**«ДЕМОНОЛОГИЗАЦИЯ» БОЛЕЗНИ
В МИФОЛОГИЧЕСКОЙ КАРТИНЕ МИРА
(НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО
ОСТРОВНОГО ГОВОРА АЗЕРБАЙДЖАНА)**

¹ кандидат филологических наук,
доцент кафедры русского языкознания,
Бакинский государственный университет
(Азербайджан)
sert739@rambler.ru

Аннотация

Настоящее исследование посвящено рассмотрению некоторых деталей мифологической картины мира, отраженной в говоре русских поселенцев, проживающих на территории Азербайджана с первой трети XIX в. Анализ проводился на основе «Лексикона русского островного говора Азербайджана», изданного в 2014 г. Он составлен по материалам картотеки, включающей лексику, собранную во время диалектологических экспедиций в русские села Азербайджана (более 20-ти сел) с 50-х гг. XX в.

В статье уделяется внимание такому вопросу, как «демонологизация» болезни. Подобное исследование осуществляется впервые. В результате проведенного анализа было выявлено 47 названий болезней. Можно отметить, что некоторые из них заимствованы из языка местного населения. Иноязычная лексика полностью ассимилирована носителями говора. Также в статье приводятся примеры наделения болезней признаками живого существа.

Ключевые слова

Мифологическая картина мира, русская лингвокультура, ментальность народа, русский островной говор.

Цитирование: Гейдарова Э. А. «Демонологизация» болезни в мифологической картине мира (на материале русского островного говора Азербайджана) / Э. А. Гейдарова // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. 2017. Том 3. № 1. С. 90-97.
DOI: 10.21684/2411-197X-2017-3-1-90-97

DOI: 10.21684/2411-197X-2017-3-1-90-97

Статья посвящена исследованию славянской мифологической картины мира. Объектом изучения являются названия болезней и их употребление в русском островном говоре Азербайджана. Материалом исследования послужил «Лексикон русского островного говора Азербайджана».

Первые русские поселения на территории этой страны появились в 30-е гг. XIX в. В Азербайджан начали переселяться русские крестьяне, в основном из южных губерний России и Украины, в частности, Тамбовской, Воронежской, Орловской, Таврической, Самарской, Саратовской, Астраханской. Исследуемый говор, «сформировавшийся из разных диалектов русского языка, в иноязычном окружении приобрел ряд общих черт, позволяющих представить его как одну из групп южновеликорусского наречия» [13, с. 3-4].

Описываемое языковое явление относится к числу нивелирующихся, т. к. оно оторвано от метрополии. Как отмечают многие лингвисты, диалекты русского языка не исчезнут в ближайшем будущем, однако они меняются. Именно поэтому необходима наиболее полная фиксация их современного состояния.

Говоры являются частью национального языка. В то же время носители литературного языка и носители диалекта не только по-разному пользуются языком, но и по-разному реализуют в нем свои представления об окружающем мире. Ментальность народа, особенности восприятия им мира находят свое специфическое отражение и в исследуемом русском островном говоре.

Рождение мифов неразрывно связано с первыми попытками человека объяснить окружающий мир и свое место в этом мире. Как таковой, миф стал ранней формой познания человека. Академик Ю. В. Бромлей указывал: «Характерные особенности географической среды (климата, почвы, рельефа, флоры, фауны и т. д.) оказывают также определенное влияние на отдельные стороны духовной культуры и психического склада этноса. Это находит свое косвенное выражение, прежде всего, в отдельных специфических привычках, обычаях, обрядах, в которых проявляются особенности быта народа, связанные с характерными чертами среды его обитания» [1, с. 212].

По причине того, что нами исследуется русская языковая картина мира, обратимся к древним славянским представлениям о мироздании. Они отличаются архаичностью, поскольку восходят к индоевропейским временам. Картина мира у древних славян выглядит неустойчивой, поскольку отличается разнообразием форм. Например, земля представлялась либо плоской твердью, либо плавающей в воде, либо стоящей на четырех быках. Хоть у земли и был край, но дойти до него было нелегко. В то же время, для тех, кто совершал это путешествие, не было возврата.

В свою очередь, небо также воспринималось неоднозначно. То это была большая крышка от посуды, то натянутая над головами бычья шкура. Причем небес насчитывалось не одно и не два. Их число доходило до семи. Отсюда сложился известный фразеологизм — «быть на седьмом небе». Размышления

древних славян о небосводе показывали, в частности, их аграрные пристрастия. В первую очередь это проявлялось в названиях светил и звездных скоплений. Например, «Большая Медведица у болгар называется “кола” (телега) и состоит из колес, волов и волка» [5, с. 170].

Также несколько названий получили Плеяды — рассеянное звездное скопление в созвездии Тельца, наиболее близкое к Земле и, соответственно, наиболее заметное невооруженным взглядом. «Плеяды у славян называются “курицей, наседкой” (квочка, кокошка) или “стожарами”, т. е. шестами, вокруг которых молотили жито» [5, с. 170]. В словаре М. Фасмера дается следующее толкование: «стожа́ры мн. “созвездие Плеяд, Большой Медведицы”... Отождествляется со стожа́р». «Др.-рус. стожарь “шест, втыкаемый в землю для укрепления стога”». «Болг. сто́жар, сто́жер “свая, вбитая на току”» [10, с. 764]. В русском островном говоре Азербайджана вместо «стожары» употребляется название «висожары».

Вместе с тем, небосвод вызывал у древних славян не только размышления, но и преклонение или даже страх. Гром и молния воспринимались не иначе как проявление небесной силы. До сих пор в русском островном говоре отражается чувство страха перед этими стихиями: «у́рбушкь у́рым’у́т’, малон’и́ь бл’иска́и́ь, стра́х!».

Окружающий мир воспринимался древними людьми как противопоставление одного другому. Сравнению подвергалось общество, окружающее пространство и даже время. День чередовался с ночью, а за жизнью следовала смерть. Если рядом находились свои, то за границей поселения — чужие. Сосед мог быть добрым или злым. Подобное противопоставление проявляется и в исследуемом говоре, например: жизнь, жисть, житуха — смерть, благо — зло, покой — колгота, погода — непогодь. Оно отражается даже в формах сравнительной степени: добре́ющий — зле́ющий.

В мифологической картине мира особое место отводится болезни. Она воспринималась в виде чудовища или демона. По древним представлениям злой дух вселялся в человека, вызывал у него болезненные ощущения и постепенно овладевал им.

В русском островном говоре Азербайджана отмечены следующие названия болезней: «анgréна» — гангрена; «бзык» — бешенство, «биркулез» и «буркулез» — туберкулез, «болэ́зня», «болэ́сть» и «болячка» — болезнь, «больну́шка» — болячка; «ва́ва» — болезнь; «рана» — царапина; «вэ́ред» — нарыв, «водяни́к» — волдырь, «во́спа» — оспа, «гло́тошная» — ангина, «гниле́ц» — болезнь пчел, «годо́вик» — лейшманиоз (название возникло в связи с тем, что язвы, наблюдаемые при этой болезни, не заживают в течение года), «грибб» — грипп; «жгу́чка» — куриная болезнь, горячка; «за́едь» — повреждение внутренней части пасти лошади, «запа́л» — болезнь лошадей, «засэ́чка» — заболевание копыта у лошади; «кыздырма́» — температура; «лихомáнка» — лихорадка, малярия; «лихора́дка» — герпес; «мама́» — болезнь коров и лошадей, «марэ́лия» — малярия, «ме́льдим» и «мюльдим» — болезнь винограда, «мокрéц» — заболевание

пчел «молодѣнская» — родимчик, припадок, сопровождающийся судорогами и потерей сознания (обычно у младенцев и беременных женщин); «молóчница» — грудница, мастит; «насмóрка» — насморк; «пертонít» — гипертония, «приврúт» — плеврит, «простúжа» — простуда, «прычúна» — название болезни, «пúха» — опухоль; «рак» — болезнь дерева, при которой в трещинах коры появляется налет в виде ваты, разъедающий кору, и дерево, оставшись без коры, засыхает; «ремагúзм, роматúзм и ремагúзма» — ревматизм, «родúмец» — болезнь; «сибúрка» — сибирская язва, «стúски» — судороги; «трясца» — лихорадка, малярия; «утрóба» — болезнь желудочно-кишечного тракта; «хворóба» и «форóба» — болезнь, «хворь» — болезнь, недомогание; «чар» — болезнь лошади (опой), «чиряк» — то же, что верѣд; «чор» — болезнь листьев винограда; «шкарлятúна» — скарлатина; «ящерица» — ящур (болезнь скота).

Некоторые из приведенных названий были заимствованы из азербайджанского языка. Это такие слова, как «кыздырма́» — температура, «чар» — болезнь лошади (опой) [2, с. 127]. Например: «У н'иуó былá бал'шáйь кыздырма́. Хажáлк'и сказáл'и, штъ кыздырма́ бал'шáйь» (Азерб. *gizdirma*). Данные слова полностью ассимилированы русским островным говором, т. е. при словоизменении они подчиняются грамматическим законам русского языка: кыздырма — ж. р., Р. п., ед. ч. кыздырмы.

О. А. Черепанова в своей работе «Мифологическая лексика русского Севера» прослеживает этапы «демонизации» болезни. Она отмечает, что «болезнь древними наделялась признаками живого существа, в результате подобного мыслительного сдвига и возникали мифологические персонажи болезни» [11, с. 11]. Так, в русском островном говоре Азербайджана отражаются древние воззрения, где болезнь представлена субъектом, который производит активные действия в человеке или животном, вызывая его болезненные состояния:

«Энтъ бал'ѣз'н'ь какáйь-гъ на н'úх нъл'ит'ѣль.

С н'ьхарóшъвъ үлáзу хварóбъ чипл'áиццъ.

Падóхл'и бджóлы, ун'ил'ѣц напáл. Ф прóшльм үадú на пчóл напáл ун'ил'ѣц.

Мóжь вóлк пькусáйь, а мóжь б'ис'úk'и' паúс'т', тад ꞥ бзык нъпадáйь. И нъ худóбу бзык нъпадáйь.

И с чавó Vгъйь бал'áчк'а дъ н'ивó прычип'úльс'?

Пáл'ьц праткнúль, а тап'ѣрчи в'ѣр'ьд рв'óт.

Абажжóс'с'ь — вьд'ан'úк фскóчът'.

А, штъб ых фс'ѣх жгу́чкъ вз'алá!

Фстáнут в óчър'ьд' за хл'ѣбъм ы тáм жъ мар'ѣл'ийь тр'ипáль».

Для исцеления люди обращались не только к врачам, но и к знахарям. Чаще всего такие обращения были распространены у крестьян, для которых знахарь заменял врача, а повитуха — акушерку. Так продолжалось на протяжении многих веков. Отношение к знахарям было неоднозначное. Одни считали, что устами и деяниями знахаря осуществляется промысел Божий, другие полагали, что знахарь — сиречь колдун, который связался с нечистой силой. Но, так или иначе, не подвергалось сомнению, что «знахарь — это человек, обладающий магическим

знанием и использующий его для лечения людей и скота, охраны от колдовства, отвращения градовых туч, прорицания судьбы и в других важных случаях» [6, с. 396]. Заговор для знахаря имеет огромное значение. Это, прежде всего, магическая формула, призванная исполнить желание заговаривающего [8, с. 247].

В исследуемом говоре знахарку зовут бабкой, ср.: *ба́бка* — 1. Женщина, принимающая роды. 2. Знахарка: «Хть зъхварáйь, да *ба́нк'и* идúт', анá паба́пкъйь, пашо́пчъ». 3. Гадалка: «Йимú *ба́нкъ* наба́пкълъ, вѣт йимú и уда́чь. Жыла́ у на́с *ба́нкъ* Марфúтхъ, к н'ей и аз'иб'ижáнцы пьáдáт' пр'ихад'úл'и».

В связи со знахарством используются также следующие формы:

ба́бчить — заговаривать от болезней, лечить народными средствами: «Ма́йá ма́мъ фс'у жѣз'н' *ба́пчилъ*. Т'откъ Ма́шь у м'ин'е када́йс'и *ба́пчилъ*».

ба́бкаць — ворожить, гадать // сов. *наба́бкаць* и *поба́бкаць*: «Хть зъхварáйь, да *ба́нк'и* идúт', анá *паба́пкъйь*, пашо́пчъ» // несов. *поба́бкивать* и *поба́бчивать*.

В ряде случаев происходит перенос значения, и слово употребляется как бранное, например: «Йь таб'е́, *хваро́бъ* э́дкъйь, у́х'и паабрыва́йу. Чаво́ ты, *хваро́бъ*, дь м'ин'е л'ез'ьш?»

Название болезни может использоваться в качестве проклятия, например: «*Трясца* тебе́! А, штѣб ых фс'эх *жру́чкъ* вз'ала́!»

Попыткой противостояния злу, вредному влиянию служили ритуалы, которые играли роль неких оберегов. Те, кто их правильно исполнял, получал защиту. «Ритуал — система действий, совершаемых по строго установленному порядку, традиционным способом и в определенное время. У ритуала выделяют три функции: снятие агрессии, обозначение круга “своих”, отторжение “чужих”» [7, с. 39].

Говоря о «демонологизации», стоит упомянуть и о «дурном» взгляде человека, получившем название сглаза. «Так, сглаз — специфический вид вреда, нанесенного визуальным путем, поэтому нужно беречься от сглаза, ср.: рус. сглазить, дурной глаз, не попадаться на глаза, не смотреть в глаза» [9, с. 139-140]. В русском островном говоре отношение к сглазу проявляется в таких формах, как:

«Пьрас'áт вѣм йá н'ь пькажу́. Н'ибос', *ула́з'ит'ь* патом.

С н'ь*харо́шъвъ* ула́зу хваро́бъ чипл'аицъ».

«Демонологизируя» болезнь, в попытках борьбы с нею человек также обращался к силе слова, т. е. к заклинаниям. Считалось, что тем самым устанавливался контакт со сверхъестественной силой, которая поможет совершить чудо и исцелить больного. В последующем такой чудодейственной силой стала наделяться молитва. Для верующих она имела сильный психологический эффект и обращала человека к стоическому перенесению страданий или давала надежду, что зло будет преодолено, а враги наказаны. «Молитва основана на вере, что Бог поможет человеку быть на высоте самых строгих нравственных требований. Как и в заклинаниях, так и в молитвах человек устанавливает коммуникативную связь со сверхъестественными существами. Эти существа и должны совершать действия, желательные для этого человека. Во всех религиях они делятся на добрых и злых. Общение с последними всегда вызывало страх в народе» [4, с. 54].

Человек пытался оградить себя от вредного воздействия, обращаясь к молитвам, о чем свидетельствуют данные говора: «Ат кáжнѣй бал'áчк'и свайá мал'ítвъ былъ».

В качестве заключения следует отметить, что мифологический материал является ценнейшим, а порой и единственным источником при реконструкции древнейших представлений об окружающем мире. Особенностью таких исследований является то, что мифологемы, как и диалекты, различны и связаны своими сюжетами с конкретной местностью. Это обстоятельство обязательно следует учитывать, изучая развитие тех или иных мифологических систем. Исходя из этого, материалы русского островного говора Азербайджана могут предоставить новые или подтвердить имеющиеся данные по русской мифологической картине мира.

В результате проведенного исследования было выявлено 47 названий болезней, 2 из которых заимствованы из языка местного населения. В работе приведено 11 случаев, где болезнь представлена субъектом, вызывающим в человеке или животном болезненные состояния. Эти примеры показывают, что «демонизация» болезни — проявление древних представлений, сохранившихся и бытующих в народе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бромлей Ю. В. Очерки теории этноса / Ю. В. Бромлей. Москва: Наука, 1983. 412 с.
2. Гейдарова Э. А. Лексическая система русского островного говора Азербайджана / Э. А. Гейдарова. Баку: Автора, 2015. 178 с.
3. Гулиева Л. Г. Лексикон русского островного говора Азербайджана / Л. Г. Гулиева, Э. А. Гейдарова. Баку: Авропа, 2014. 498 с.
4. Даниленко В. П. Общее языкознание и история языкознания: курс лекций / В. П. Даниленко; 2-е изд. Москва: ФЛИНТА: Наука, 2015. 272 с.
5. Дуличенко А. Д. Введение в славянскую филологию: учебное пособие / А. Д. Дуличенко. М.: ФЛИНТА: Наука, 2015. 169 с.
6. Левкиевская Е. Е. Мифы русского народа / Е. Е. Левкиевская. Москва: Астрель, АСТ, 2002. 528 с.
7. Маслова В. А. Лингвокультурология / В. А. Маслова. Москва: Издательский центр «Академия», 2001. 208 с.
8. Райан В. Ф. Баня в полночь: Исторический обзор магии и гаданий в России / В. Ф. Райан. Москва: Новое литературное обозрение, 2006. 720 с.
9. Сабитова З. К. Лингвокультурология / З. К. Сабитова. Москва: Флинта, Наука, 2015. 528 с.
10. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка / М. Фасмер; изд. 2-е. Москва: ПРОГРЕСС, 1986. Том 1. 576 с.; 1987. Том 3. 832 с.
11. Черепанова О. А. Мифологическая лексика русского Севера / О. А. Черепанова. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1983. 435 с.

Elvira Akif Q. HEYDAROVA¹

**“DEMONOLOGIZATION” OF A DISEASE
IN A MYTHOLOGICAL PICTURE OF THE WORLD
(ON THE MATERIAL OF THE RUSSIAN
ISLAND DIALECT OF AZERBAIJAN)**

¹ Cand. Sci. (Philol.), Associate Professor,
Department of Russian linguistics,
Baku State University (Azerbaijan)
sert739@rambler.ru

Abstract

The research is devoted to the consideration of some details of the mythological picture of the world reflected in the dialect of the Russian settlers living at the territory of Azerbaijan from the first third of the 19th century. The analysis was carried out on the basis of “A lexicon of the Russian island dialect of Azerbaijan” published in 2014. The dictionary is compiled on the materials of the card file including lexicon, collected since the beginning of the 1950s during the dialectological expeditions to Russian villages in Azerbaijan (more than 20 villages). The author pays attention to such issue as the “demonologization” of a disease. As a result of the analysis 47 names of diseases have been revealed. The article provides some examples illustrating the usage of the lexemes.

Keywords

Mythological picture of world, Russian linguoculture, mentality of people, Russian island dialect.

DOI: 10.21684/2411-197X-2017-3-1-90-97

REFERENCES

1. Bromley Yu. V. 1983. Oчерki teorii jetnosa [Sketches on the Ethnos Theory]. Moscow: Nauka.

Citation: Heydarova E. A. 2017. “‘Demonologization’ of a Disease in a Mythological Picture of the World (On the Material of the Russian Island Dialect of Azerbaijan)”. Tyumen State University Herald. Humanities Research. Humanitates, vol. 3, no 1, pp. 90-97.
DOI: 10.21684/2411-197X-2017-3-1-90-97

2. Cherepanova O. A. 1983. Mifologicheskaja leksika russkogo Severa [Mythological Lexis of the Russian North]. Leningrad: Leningrad University Publishing.
3. Danilenko V. P. 2015. Obshee yazykoznanie i istoriya yazykoznanija: kurs lekcij [General Linguistics and the History of Linguistics: A Course of Lectures]. 2nd edition. Moscow: Nauka.
4. Dulichenko A. D. Vvedenie v slavjanskuju filologiju: uchebnoe posobie [Introduction in Slavic Philology: Education Guidance]. M.: Nauka. 2015. 169 p.
5. Fasmer M. 1986-1987. Eetimologicheskij slovar' russkogo yazyka [The Etymological Dictionary of the Russian Language], vols 1 and 3. 2nd edition. Moscow: Progress.
6. Gulieva L. G., Heydarova E. A. 2014. Leksikon russkogo ostrovnogo govora Azerbajdzhana [The Lexicon of the Russian Island Dialect of Azerbaijan]. Baku: Avropa.
7. Heydarova E. A. 2015. Leksicheskaja sistema russkogo ostrovnogo govora Azerbajdzhana [The Lexical System of the Russian Island Dialect of Azerbaijan]. Baku: Avropa.
8. Levkiyevskaya E. E. 2002. Mify russkogo naroda [Myths of the Russian People]. Moscow: Astrel, AST.
9. Maslova V. A. 2001. Lingvokul'turologiya [Linguoculturology]. Moscow: Akademiya.
10. Ryan V. F. 2006. Banya v polnoch': Istoricheskiy obzor magii i gadaniy v Rossii [A Bath-House at Midnight: The Historical Review of Magic and Fortune-Telling in Russia]. Moscow: Novoe literaturnoye obozrenie.
11. Sabitova Z. K. 2015. Linguoculturology [Lingvokul'turologiya]. Moscow: Nauka.